

Осмысляя диалектику Гегеля: чем является диалектика как метод?

ДЕНИС МАСЛОВ

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия,
denn.maslov@gmail.com.

Ключевые слова: Георг Вильгельм Фридрих Гегель; диалектика; диалектический метод; абдуктивная логика; негативность; спекулятивное мышление; метафизика; теория категорий.

В статье сквозь призму критического прочтения философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля рассматривается центральное для гегелевской системы понятие диалектики. Ставится вопрос о том, насколько корректно понимать диалектику как логику и рассматривается ее отличие от формальной логики. Диалектика — это принцип протекания процессов и метод, направляющий наше познание, который можно сформулировать при наблюдении за этими процессами. Такое прочтение диалектики сходно с проектами абдуктивной или интеррогативной логики. Диалектика — это метод исследования, формулирующий принципы и стратегические подходы для получения нового знания.

Рассматриваются три момента диалектики. Абстрактный момент указывает на объектный язык и способ мышления содержания как ригидный и не осознающий свои предпосылки и условия. Негативно-разумный

момент приводит мышление в «движение» и отмечен проблематизацией оснований и исследованием предпосылок объектного языка. Такая проблематизация не должна заводить поиск в тупик, но предполагает разрешение возникших противоречий и затруднений и их соединение в холистическую систему знания, которая составляет третий момент диалектики — позитивно-разумный или спекулятивный. Это совершается путем семантического и понятийного прогресса через увеличение различий и понятийно закрепленного содержания. В этом моменте совершается также акт рефлексии и осознается актор такого метода, то есть коллективный познающий субъект в его формах, или Понятие в терминологии Гегеля. Тем самым диалектика это рефлексивный прагматический метод поиска, который в идеале может быть развернут в динамическую или генетическую теорию категорий.

Диалектика как принцип и как метод

ДИАЛЕКТИКА в философии Гегеля является насколько ключевым, настолько и же загадочным и мало осмысленным понятием. Гегелевское понимание диалектики представляет большой интерес в том числе и для современной философии, прежде всего аналитической (особенно ввиду возрождения интереса к метафизике как теории категорий). Нельзя сказать, что диалектика осмыслена в достаточной степени, хотя бы уже потому, что «Наука логики» (далее — НЛ) только начинает осмысляться по-настоящему. Другим основанием в пользу этого служит то обстоятельство, что концепция диалектики представлена Гегелем не в виде специального сочинения, но в демонстрации ее конкретного функционирования и редких комментариев. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы перевести речь Гегеля на более понятный язык, сделать ее доступной для понимания и усвоения в теоретическом плане для современных дискуссий. Такое прочтение должно опираться на самого Гегеля и внести вклад в лучшее понимание Гегеля с точки зрения истории философии. Поскольку эта тема крайне обширна, в настоящей статье я ограничусь лишь общими размышлениями и мотивами¹.

Диалектике, «диалектической логике» посвящены целые библиотеки². В частности были неплохо исследованы исторические

1. Текстуально мы прежде всего опираемся на главу «Абсолютная идея» «Науки логики» (цитируется как НЛ, том и страница), также параграфы § 80–82 в «Энциклопедии» (далее — ЭФН), некоторые места «Феноменологии духа» (ФД) и юнбербергский курс. См.: *Гегель Г. В. Ф.* Раб. разн. лет: В 2 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. При работе с оригинальным текстом ввиду труднодоступности *Gesammelte Werke* я опирался на *Theoretische Werkausgabe* (далее TWA с указанием номера тома и страницы): *Hegel G. W. F. Werke: In 20 Bd. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1986.*

2. Не считая обширной литературы традиционного гегелеведения, которую я здесь не буду использовать, наиболее важным источником вдохновения прежде всего являются работы и лекции Пирмина Штекелера-Вайтхофера, а также работы Николаса Решера относительно понятия диалектики. Кроме этого я опирался на труды Роберта Пиппина, Терри Пинкарда и отчасти Роберта Брэндома. См.: *Stekeler-Weithofer P. Hegels Analytische Philosophie: Die Wissenschaft Der Logik Als Kritische Theorie Der Bedeutung.*

влияния на диалектику Гегеля³. Проблема многих уже существующих интерпретаций Гегеля, как в самой Германии, так и за ее пределами, состоит в том, что действительно сложный и трудно поддающийся пониманию язык и способ выражения Гегеля часто воспроизводится исследователями в тех же самых словах без объяснения на более доступном языке. (Это делается во имя мнимой чистоты понимания Гегеля и отказа от внешних ему понятий как инородных его системе). Трудности в понимании в полной мере касаются понятия «диалектика» и связанных с ней понятий. Подвижность и многозначность гегелевских понятий, которые он осознанно культивировал, действительно представляют собой большую проблему. Однако такой подход имеет право на существование, как отмечает в частности Дональд Дэвидсон, поскольку такая подвижность категориального аппарата отражает природу и естественное развитие самого языка⁴. Путь решения этих затруднений состоит не в том, чтобы возвращаться в герметичном языке Гегеля, но в расшифровке его понятий через обращение к философской практике и выявлению структурных сходств гегелевских понятий с другими философскими понятиями и в свете других теорий. Он писал, что есть только один разум и одна философия⁵, однако осмысление этого тезиса еще предстоит совершить. Гегелевская философия это не одна из философий, но метафилософия по преимуществу.

* * *

В рамках системы Гегеля логика (Наука логики и так называемая малая логика) имеет основополагающее значение. Она занимает место и играет роль метафизики, *prima philosophia*. Поэтому

Paderborn: F. Schöningh, 1992; *Idem.* Hegels Wissenschaft der Logik: ein dialogischer Kommentar: In 3 Bd. Hamburg: Meiner, 2019–2022; *Rescher N.* Philosophical Dialectics: An Essay on Metaphilosophy. Albany, NY: State University of New York Press, 2006; *Idem.* Dialectics: A Classical Approach to Inquiry. Fr.a.M.: Ontos, 2007; *Pippin R.* Hegel's Realm of Shadows. Logic as Metaphysics in The Science of Logic. Chicago: Chicago University Press, 2018; *Pinkard T.* Hegel's Dialectic: The Explanation of Possibility. Philadelphia: Temple University Press, 1988.

3. Hegel Und Die Antike Dialektik / H.-G. Gadamer et al. (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1990; *Düsing K.* Aufhebung der Tradition im dialektischen Denken. Untersuchungen zu Hegels Logik, Ethik und Ästhetik. München; Paderborn: Wilhelm Fink, 2013. S. 43–93.
4. *Davidson D.* Dialektik Und Dialog: Rede von Donald Davidson Anlässlich Der Verleihung Des Hegel-Preises 1992. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1993; *Bencivenga E.* Hegel's Dialectical Logic. N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 25.
5. *Гегель Г. В. Ф.* Указ. соч. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 270.

говоря о логике, Гегель как правило ведет речь не о формальной логике, но о метафизике как системе понятий в ее особого рода динамике⁶. Логика дает картину абстрактного генезиса основополагающих категорий, которые лежат в основании других философских дисциплин, которые он для краткости обозначал как реальную философию, то есть философию природы и духа. Заключительная часть НЛ — субъективная логика — посвящена Понятию, то есть метафизическому рассмотрению основополагающих категорий субъективности как (коллективного) агента познания. В этом разделе рассматриваются ее формы, институты в смысле соответствующих логического содержания практик, таких как суждение, правила вывода, семантика предикативных предложений, парадигмы объяснения в философии науки, паттерны доказательства. Кроме того, там находят свое рассмотрение практические моменты: жизнь, познание и деятельность. Понятие это дух, то есть реальные институты познания и рефлексии в виде искусства, религии и философии, рассмотренный в его абстрактных, метафизических, «логических» свойствах/«определениях» (*Bestimmung*)⁷. Диалектика в рамках НЛ рассматривается

6. Важно понимать, что такого рода динамическая или генетическая экспозиция относится к порядку *логического* (методологического) или категориального объяснения происхождения понятий. Эта экспозиция не должна пониматься онтологически (или исторически), так что например не-что, что называется «бытие» буквально порождает из себя все прочие понятия. Исторический генезис таких понятий также предполагает другой порядок объяснения. В этом смысле можно указать на М. Фуко как образчик такого анализа (со всеми его достоинствами и недостатками).
7. В «Философии права» (§ 32) говорится, что способ бытия некоторого понятия и его определенность тождественны со спекулятивной точки зрения, то есть онтологическая и метафизическая (реальное существование) с одной стороны, с другой же — семантическая и эпистемологическая индивидуация понятия и его предмета совпадают, поскольку спекулятивная философия занимается исследованием устройства (семантики, метафизики и т. д.) понятий, а не экземпляров, подпадающих под них (это дело эмпирических наук). Философия работает с понятиями, концептуальной схемой. Через понятия (смыслы по Фреге) она постигает реальность и отсылает к ней, поскольку реальность устроена так, что ее можно мыслить и постигать через понятия. В этом смысле реальность разумна. При этом понятия это не (только лишь) ментальные состояния наших сознаний, но объективные, независимые от ментальных процессов единичных мыслящих индивидов смыслы, содержание (в смысле близком к фреговскому). Понятие «атом» и его содержание не зависит от того, что его кто-то мыслит в данный момент, однако оно разумно в смысле возможности его мыслить и познавать, разумно в смысле внутренней различной и индивидулируемой структуры. Здесь и далее, в том числе в перево-

в заключительной главе раздела субъективная логика (Абсолютная идея) и является тем самым высшей ступенью осуществления субъективности в ее рефлексии над самой собой в ее логических формах познания и действия.

Диалектическое, как пишет Гегель, есть «душа всякого истинного научного познания», «движущая душа научного продвижения вперед» (ЭФН § 81), метод (способ существования) истины. В § 31 прим. «Философии права» говорится, что диалектика это «движущий принцип понятия, как растворяющий не только обособления всеобщего, но и как производящий их...», она есть «не только внешнее деяние субъективного мышления, но *собственная душа* содержания, которая порождает (*hervortreibt*) ее ветви и плоды» (пер. изм.). В НЛ дается такое определение диалектики:

Она *простой момент отрицательного соотношения с собой*, глубочайший источник (*der innerste Quell*) всякой деятельности, живого и духовного самодвижения, диалектическая душа, которую все истинное имеет в самом себе и через которую оно только и есть истина; ведь единственно лишь на этой субъективности основывается снятие противоположности между понятием и реальностью и [их] единство, которое есть истина (НЛ III 301, TWA 6 563).

Часто логика и диалектика идентифицируются и смешиваются до неразличимости в некую «диалектическую логику», которая потом объявляется теорией познания, если вспомнить известную цитату Ленина. Кажется, что текст § 81 ЭФН дает достаточное подтверждение этому: Гегель прямо говорит о диалектике как методе. Михаэль Вольфф поставил под сомнение это допущение и пришел к выводу, что диалектика это исключительно принцип метода, а не сам метод, поскольку согласно его анализу сам Гегель не отождествлял их. Этот «метод» не является внешним по отношению к тому содержанию, к которому он должен быть применен, но он и есть это самое содержание. Такой метод не может быть формальным в смысле формальной логики или ряда операций, выполнение которых принесет полностью ожидаемый и про-

дах, я различаю понятие в его обычном смысле (напр. по Фреге), то, что Гегель называет «рассудочным определением мышления» (см. всеобщее Понятие), от Понятия как субъективности, рассмотренной с метафизической точки зрения, и всех конкретно существующих институтов и практик познания, что можно обозначить как «дух» или реальную науку в самом широком смысле.

гнозируемый результат. Диалектика это саморазворачивающийся процесс, а не метод в обычном понимании, как некоторая внешняя процедура по отношению к некоторому содержанию. Вольфф заявляет:

...принцип абсолютного метода это принцип самодвижения. Это означает, что спекулятивная наука формирует себя как самоорганизующуюся систему⁸.

Метод следует понимать телеологически как принцип развития, так что диалектика оказывается *принципом* спекулятивной логики (метафизики), но не самой логикой.

Частично соглашаясь с Вольффом, я тем не менее считаю, что не стоит отказываться от понимания диалектики как метода в более конвенциональном смысле при условии различения диалектики как объективного процесса («объективная диалектика»), который сам может быть предметом изучения, и диалектики как правил или общих принципов, с помощью которых можно дать некое обобщение принципов познания *такого* процесса, которые направляют дальнейшее познание в самом широком смысле («субъективная диалектика»). К «объективной диалектике» тогда будут относиться такие процессы изменения, движения, развития, генезиса, которые необязательно или не всегда являются осознанной целенаправленной интенциональной деятельностью. Это процессы в мире в самом широком смысле — становление вселенной, зарождение органической жизни, эволюция, процесс самоорганизации систем без самосознания, а также развитие науки и концептуальных схем и т. д. Диалектика это объективный процесс. Кроме того, ее можно понимать как некоторого рода метод, нестрогий набор регулятивных правил и принципов, которые выявляются в результате рефлексии над развитием процессов и развитием понимания этих процессов после того, как они состоялись⁹. Эти пра-

8. Wolff M. Hegels Dialektik // Hegel — 200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung “200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik”, Weimar, 26–29 September 2012 / A. F. Koch et al. (Hg.). Hamburg: Meiner, 2014. S. 86.

9. В этом отношении важно, что Гегель помещает раздел о методе в самом конце НЛ как подведение итогов в рефлексии о всем пройденном пути. Это отмечается в: Koch A. Metaphysik und speculative Logik // Metaphysik heute — Probleme und Perspektiven der Ontologie / Metaphysics Today — Problems and Prospects of Ontology / M. Lutz-Bachmann, T. M. Schmidt (Hg.). Freiburg; München: Karl Alber, 2007. S. 50. Разумеется, это выражается также в знаменитом тезисе об *Eule der Minerva* из «Философии права».

вила могут быть артикулированы и сформулированы в языке, они описывают/объясняют и направляют познавательные процессы разного уровня общности. Важным моментом диалектики является ее автореферентный характер, обращенность на себя, то, что можно назвать рефлексивностью. В логике Гегеля субъективная диалектика касается именно понятийного и категориального продвижения и увеличения содержания как создания новых понятий, различий и/или их переинтерпретации, то есть развитие понятийного (концептуального) аппарата. Интересным в этом отношении является то обстоятельство, что в философии диалектика как процесс и как метод познания в некотором смысле совпадают, и по всей вероятности Гегель намеревался соединить эти аспекты в один, то есть мышление этим процессом самого себя и самоосознание, артикуляция принципов и правил его существования в некий субъективный метод как процесс, который мыслит мир и сам себя как часть (и высшую ступень развития) этого мира. Это и есть то, что Гегель называет абсолютным познанием и абсолютной деятельностью, которые на разных уровнях предстают как Понятие, Идея и Дух.

Часто говорится про «диалектическую логику» как про некоторую особую «логику», которая призвана заменить и отбросить формальную логику. Однако это неверно, поскольку диалектика как философский, спекулятивный метод движется в рамках, установленных формальной логикой, о чем мы еще скажем далее при обсуждении противоречия. Формальная логика указывает на границы смысла и констатирует, что познание и речь должны соответствовать критериям правильно сформулированного высказывания в его речевом или ментальном виде, для того чтобы вообще быть единицей смысла. Однако формальная логика не является методом исследования. Ее задача состоит в том, чтобы сохранить истинность, последовательность и гарантировать отсутствие скачков в рассуждении. Она касается прежде всего синтаксиса и не дает содержания, но работает с уже данным содержанием и лишь эксплицирует и закрепляет его через формальное доказательство. В терминологии Гегеля это выражается в таком виде (что легко неверно интерпретировать), что формальная логика застряла в «пустой тождественности» и абстрактном рассудке. Поэтому можно с основанием сказать, что она не приносит новые результаты и не дает правил и стратегий для разрешения проблем и приращения содержания. Но задача логики не в этом, и поэтому нет оснований ее отбрасывать.

Сами логики вполне осознают это. В частности, Яакко Хинтиikka указывает на то, что логика лишь предлагает основные правила мышления, соблюдение которых является минимальным нормативным условием мышления. Логика исключает ошибки и устанавливает пространство рассуждения (то, что обычно именуется «логическим универсумом рассуждения»). Тем не менее, этого недостаточно для проведения полноценного исследования. Хинтиikka вводит идею «совершенства в размышлении» (*excellence in reasoning*), предлагая обратить больше внимания не на безошибочность умозаключений, но на тренировку логических добродетелей как навыков результативного проведения исследований¹⁰. Такая умственная добродетель правильного и продуктивного мышления не нарушает правила формальной логики, но движется в ее рамках; ее задача состоит в развитии добродетелей и совершенств в упражнении в содержательном мышлении, выработке стратегий поиска наилучших решений любых проблем. Для прояснения своей мысли Хинтиikka использует различие дефиниторных (конститутивных) и стратегических правил на примере игры в шахматы. Правила, определяющие корректный ход для каждой фигуры и составляют саму игру в шахматы, их нарушение уничтожает игру. При этом владение такими элементарными правилами недостаточно, чтобы быть хорошим шахматистом. Для этого требуется тренировка тактики и стратегии шахмат. Логическую дисциплину, которая бы занималась развитием таких компетенций в отношении познания, Хинтиikka обозначает как абдуктивную или интеррогативную (то есть вопрошающую) логику, очевидно отсылающую к Сократу, Платону и Аристотелю¹¹.

Построение такого метода диалектики с его субъективной стороны может быть совершенно только впоследствии, так что можно будет некоторым образом закрепить уже пройденный путь. Как кажется, такая процедура не может претендовать на строгость и необходимость умозаключения по типу классической дедуктив-

10. *Hintikka J. Inquiry as Inquiry: A Logic of Scientific Discovery.* Dordrecht: Springer Netherlands, 1999. P. 2.

11. См. также: *Schurz G. Patterns of Abduction // Synthese.* 2008. Vol. 164. № 2. P. 201–234, напр., P. 204. Это весьма близко к активно развивающемуся направлению построения логики аргументации и убеждения. См.: *Емелен Ф. Х., ван Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход.* М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021; *Лисанюк Е. Н. Аргументация и убеждение.* СПб.: Наука, 2015; *Она же. Три взгляда на критику и поддержку в оценке аргументов // Дискурс.* 2022. Т. 8. № 2. С. 5–16. Любопытно, что Хинтиikka избегает термина «диалектика», по-видимому, во избежание сравнений с Гегелем.

ной логики. Диалектика в своих частных применениях свободна и спонтанна, поэтому можно говорить о диалектике как контекстуально-зависимой стратегии исследования, сопровождаемой стремлением к исследованию и познанию, с некоторыми общими, но самими по себе недостаточными правилами исследования, требующими интерпретации в применении к конкретным случаям и сноровки (Кант бы назвал это способностью суждения) в применении и создания новых паттернов¹². Такая процедура пронизывает любую познавательную деятельность и любой объект (познания) подчинен ей. Это значит, что она может практиковаться на любом уровне исследования.

Диалектика Гегеля не является формальным методом по типу логики, но рефлексивной стратегией понятийного (категориального) исследования, который отличается занятием метапозиции в отношении процесса познания в его разных аспектах (семантика, эпистемология, метафизика и т. д.), то есть это метод в смысле метапроцедуры обращения с понятиями и категориями, речевыми практиками через экспликацию предпосылок путем создания или осознания проблемных ситуаций и их дальнейшего разрешения через изменение, создание и переинтерпретацию понятий и категорий. Это приводит к позитивному результату через разрешение таких проблем. Такого рода генетическая теория понятий и категорий является прагматистской по смыслу, поскольку такая деятельность понимается как деятельность познающих агентов и является внутренней, имманентной таким философским и познавательным практикам и процессам. Тем самым субъективная диалектика в смысле Гегеля это теоретическая деятельность мышления, познающего само себя¹³.

12. Ср.: *Stekeler-Weithofer P.* Hegels Analytische Philosophie. S. 91–92.

13. Здесь намечается некоторое расхождение в понимании диалектики как метода и диалектики как теории категорий. Можно выделить два аспекта одной и той же деятельности: эвристический и теоретический. Первый занят поиском нового содержания (объектное исследование, исследование мира) и лучших форм его экспозиции, экспликации и понимания (теоретический поиск, собственно философия), тогда как второй занят построением теории. Эти аспекты различаются в способе построения материала. (Поэтому я склонен полагать, что диалектику можно представить и как метод открытия, создания новых понятий, и как теорию категорий). Сам Гегель очевидно хотел привести их к общему знаменателю и следует с ним согласиться в том, что они едины; однако это не должно означать, что при необходимости такие контексты нельзя различать. Содержательный результат диалектики как метода можно именовать спеку-

Сказанное нами сейчас выражается в терминологии Гегеля в следующих пассажах, число которых может быть легко увеличено:

Метод возник отсюда как *само себя знающее Понятие, имеющее себя* в качестве абсолюта, как субъективного, так и объективного, имеющее *своим предметом себя Понятие*, стало быть, как полное соответствие между понятием и его реальностью, как существование, которое есть само понятие (НЛ III 290, TWA 6 552)¹⁴.

Метод должен быть поэтому признан неограниченно всеобщим, внутренним и внешним способом и совершенно бесконечной силой, которой *никакой объект*, поскольку он представлен как внешний объект, отдаленный от разума и независимый от него, *не может оказывать сопротивление*, не может иметь другой природы по отношению к методу и не быть проникнут им. Метод есть поэтому *душа и субстанция*, и нечто постигнуто в понятии и познано в своей истине лишь тогда, когда оно полностью подчинено методу; он собственный метод любого дела, как такового, ибо его деятельность заключается в Понятии (НЛ III 290–291, TWA 6 552).

Метод есть поэтому не только высшая сила или, вернее, единственная и абсолютная сила разума, но и высшее и единственное его побуждение обрести и познать самого себя во всем через самого себя (НЛ III 291, TWA 6 552–553).

Понятие, как оно рассматривалось само по себе, выступало в своей непосредственности; рефлексия или Понятие, рассматривающее Понятие, относилось к сфере нашего знания. Метод есть само это знание, для которого Понятие дано не только как предмет, но и как его собственное, субъективное действие, как орудие и средство познающей деятельности, отличное от нее, но как ее собственная существенность (Ibidem).

Моменты диалектики

Как правило при разговоре о гегелевской диалектике повторяется формула Фихте и Шеллинга «тезис-антитезис-синтез», сходная с гегелевской, но тем не менее ему не принадлежащая и нетождественная его методу. Такое приписывание некорректно и часто употребляется малосодержательно или без достаточной конкретизации. По меньшей мере в работах о логике Гегель нигде не говорит о методе в таких терминах, хотя он в свою очередь разра-

лятивной философией или спекулятивной логикой, когда речь идет о метафизических категориях.

14. Это «формальная душа» Понятия (НЛ III 304, 305).

ботал метод с трех- или четырехшаговой структурой (НЛ III 302)¹⁵. Так, он говорит о «бесконечно важной форме троичности» (см. НЛ III 419, TWA 5 388). Такая формула сложилась ко времени его работы в Нюрнберге и предстает в зрелом виде прежде всего в НЛ¹⁶. Он выделяет три шага или формальных стороны:

Логическое по своей форме имеет три стороны: а) абстрактную, или *рассудочную*, б) *диалектическую*, или *отрицательно-разумную*, в) *спекулятивную*, или *положительно-разумную*. Эти три стороны не составляют трех частей логики, а суть моменты всякого логически реального, т. е. всякого Понятия или всего истинного вообще (ЭФН § 79, см. также TWA 4 410–416).

Небольшое пояснение к этому мы находим в пропедевтическом курсе, читавшемся в Нюрнберге:

Рассудочное (*das Verständige*) не идет дальше понятий в их твердой определенности и различии; *диалектическое* (*das Dialektische*) показывает эти понятия в их переходе и в их превращении друг в друга; *спекулятивное* (*das Spekulative*), или *разумное* (*das Vernünftige*), схватывает единство понятий в их противоположности или же позитивное — в его разложении и переходе¹⁷ (TWA 4 12, см. также TWA 4 412–413).

Эта форма может рассматриваться как четырехступенчатая, поскольку каждый конечный этап становится новой отправной точкой для следующего круга, из развития которых вырастает тотальность, самозамкнутая (но не закрытая для изменений) холическая система знания. Логика, то есть гегелевский вариант традиционной метафизики как теории категорий, лежащих в качестве основания для всех остальных дисциплин, служит при этом в качестве круга кругов, части которой выступают в качестве оснований для относительно самостоятельных дисциплин в рамках философии, таких как философия природы, духа и его проявлений как право и т. д. (НЛ III 308–309, TWA 6 571–572). Итак, диалектика состоит из трех сторон или ступеней продвижения вперед исследовательской деятельности, при том, что каждая конеч-

15. Выражение антитезис употребляется им при обсуждении кантовских антиномий. О синтезе также говорится в кантовском смысле как о дистинкции синтетическое/ аналитическое, то есть синтеза *a priori* содержания представлений в суждении или синтеза самосознания и т. д.

16. Ibid. S. 19–21.

17. Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 150 (перевод изменен).

ная ступень любой итерации может рассматриваться как точка отсчета для следующего витка исследования, то есть рассматриваться в качестве абстрактной и пред-данной. И наоборот, всякая абстрактная ступень, вначале принимающаяся как данная, оказывается «опосредованной», то есть итогом предшествующего исследования. В этом отображается круговой характер диалектики, процессуальности и всей философии Гегеля, однако не следует понимать это как порочный круг. Метод Гегеля отмечен прогрессом в семантическом содержании, приращением различий, точности понятийного аппарата, тем самым уровня нашего понимания и развития науки, постановки вопросов и результативности вопрошания¹⁸.

Абстрактная или рассудочная сторона

Первый шаг диалектики как метода, именуемый рассудочным или абстрактным, понимается Гегелем, с одной стороны, в свете чистых категорий рассудка у Канта в трансцендентальной аналитике и, с другой стороны, более широко, как здравый смысл, взятый как исходная точка исследования (ср. $\epsilon\nu\delta\omicron\varsigma\alpha$ у Аристотеля, суждения здравого смысла, житейская мудрость, играющие роль первого шага в его понимании диалектики). В КЧР Кант был занят вопросом обоснования легитимности использования категорий, составляющих основания абстрактных наук, естествознания и метафизики. Он предполагал сделать это путем установления способа их отношения опыту. Рассудок понимается им как способность правил, то есть способность соединения многообразного ощущения. Он оперирует с уже данным чувственностью материалом и подводит его под универсальные правила (способы предикации и построения умозаключений разным способом), тем самым упорядочивая и организуя чувственность, что и является опытом.

18. В глубине проработки дистинкций, разделении философского труда и точности вопросов философия очевидно сегодня находится в более продвинутом состоянии, чем еще столетие назад. Однако это не тот тип прогресса, который заключается в том, что на вопросы получены однозначные ответы и ученые к ним более не возвращаются. Скорее, такое продвижение вперед является увеличением способов понимания вещей. Чалмерс и Шнедельбах говорят о прогрессе в смысле отбрасывания ложных альтернатив. См.: *Chalmers D. Why Isn't There More Progress in Philosophy? // Being, Freedom and Method. Themes From the Philosophy of Peter van Inwagen / J. Keller (ed.). N.Y.: Oxford University Press, P. 277–298; Schnädelbach H. Was Philosophen wissen und was man von ihnen lernen kann. München: C. H. Beck, 2013. S. 15–16.*

Иначе говоря, речь идет о подведении многообразного чувственности под единство понятия; понятия упорядочивают чувственность согласно определенным и зафиксированным правилам. Такое подведение делает возможным объяснение событий в опыте согласно принципам, правилам (В 92–94)¹⁹, а также следование правилу, воспроизведение уже данного правила. Это и есть рассудочное мышление. Рассудок дискурсивен, а не созерцателен (В 81), поскольку он не наблюдает вещи непосредственно, но через преобразование чувственного материала. Рассудок дает возможность синтетического познания *a priori* о предметах, поскольку позволяет нам выносить суждения в категориях качества, количества, отношения и модальности (В 106). Сами эти категории являются чистыми, а не эмпирическими, поскольку не происходят из содержания опыта, но делают его возможным²⁰. Рассудок хотя и является спонтанной и активной деятельностью разума по формированию чувственности, но имеет характер функции, поскольку он осуществляет соединение согласно заданным правилам и не отступает от них. Он не в состоянии производить новые правила, как это делает художник, гений. (Поэтому Кант отказывал в статусе гения Ньютону). В этом отношении рассудок не может исследовать себя сам, но направлен на содержание ощущений, то есть предметы. Сам рассудок является предметом разума.

Для Гегеля рассудок это тип мышления, момент или форма разумности, отличающийся абстрактностью, непосредственностью, простотой и конечностью в его особом понимании этих терминов. Подпадающее под эту категорию относится к сфере нормального функционирования правил, которые так или иначе предданы и которые необходимы для функционирования дискурса. Они составляют первый исходный шаг метода. Рассудочное является началом метода (НЛ III 293, TWA 6 554). Рассудок уже содержит в себе в скрытом виде все содержание и формы мышления, которые должны развиться до адекватных себе, эксплицитных, развернутых форм мышления (ЭФН § 79).

Нормы и правила воспринимаются в процессе социализации и обучения языку: «[Рассудок] занят тем, чтобы поместить мыс-

19. Цит. по: Кант И. Соч. на нем. и русс. яз.: В 4 т. / Под ред. Б. Бушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Мысль, 2006. Т. 2.

20. Кант, помимо критики диалектики как видимости познания, нашел для нее, для диалектического разума, и «позитивную» роль как источника регулятивных принципов. Это один из многих примеров того, как Гегель развивает и продолжает идеи Канта, вопреки многочисленным обратным утверждениям.

ли о вселенной в голову; однако мысли есть вообще абстрактное» (TWA 4 414). Рассудок как способ мышления наиболее легок для понимания, поскольку он наиболее прост и элементарен. Он выполняет необходимую функцию мышления и его задача состоит в том, чтобы зафиксировать (то есть различить и тем самым индивидуировать в первом приближении) содержание ощущений в мысли, ввести его в логический универсум рассуждения, то есть сделать предметом мышления в актах суждений²¹. Рассудок абстрагирует чувственно-конкретное (но в мышлении абстрактное как менее богатое *артикулированным* содержанием)²² содержание ощущений, созерцаний и переводит его в опосредованную форму, артикулированную осмысленную, понятийную речь. Тем самым рассудок начинает с мышления непосредственно данного и он воспринимает его как таковое (*an sich*), то есть самостоятельно существующее (в терминах Канта — догматически). Эта речь подчиняется общим, известным, но еще не от-refлексированным правилам для разных предметных областей. Рассудок воспринимает предметы этих областей как существующие и неизменные, полностью внешние для мышления и он желает знать их догматически, раз и навсегда. Наивный реализм является наиболее ярким примером рассудочной философии (в частности, относительно существования мира, в эпистемоло-

21. Ср. главу про аналитическое познание в НЛ. Чтобы избежать частого, но слабого тезиса о догматическом идеализме Гегеля, можно прочесть эту цитату через различие *narrow and broad content*. Некое событие в мире не зависит от нашего мышления о нем, однако оно объективно и может быть выражено в пропозиции. В терминологии Гегеля и Фреге это называется мыслью, *Gedanke*. Мысль «снег бел» не требует для своего существования и осмысленности, чтобы она была содержанием в чем-то уме, она составляет так называемый *broad content*. Однако эта пропозиция осмысленна, при определенных условиях истинна, и может стать содержанием чьего-то ума (*narrow content*). В этом наблюдается некоторого рода изоморфизм (познаваемого) устройства мира и познающего мышления, так что Гегель говорит о разуме в обоих случаях. В этом отношении он желает «воссоединения» этих типов разума по типу фигуры мыслящего себя бога у Аристотеля. Для Гегеля таким богом является человечество как совокупность и длительность его институций и практик в самом широком смысле — оно порождает себя само (*causa sui*) и мыслит и познает себя само. Более широкое прочтение понимает как такого бога мир, а людей как его часть, ответственную за мышление.
22. См. экспликацию этого обозначения Гегелем данных чувств как абстрактных в: *Brandon R. A Spirit of Trust: A Reading of Hegel's Phenomenology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019. Pt. 1.

гии и т. д.). При этом рассудок содержит в себе общие и конститутивные правила рассуждения. Без рассудка мышление не обретает «твердости и определенности», которая в дальнейшем сообщается и философии благодаря рассудку (ЭФН § 80Z). Однако такой тип мышления также ограничен и неадекватен в качестве философского способа рассмотрения, поскольку он не предполагает возможность смены перспективы, он не способен иначе посмотреть на вещи и всегда стремится остаться на своей позиции (ЭФН § 79, 80).

Гегель так описывает рассудок:

Так как оно начало, то его содержание есть нечто *непосредственное*, но такое, которое имеет смысл и форму *абстрактной всеобщности*. Будет ли оно помимо этого содержанием, относящимся к *бытию*, или *сущности*, или *понятию*, — все равно, оно постольку нечто *принимаемое* (*Aufgenommenes*), *пред-найденное* (*Vorgefundenes*), *ассерторическое*, поскольку оно нечто *непосредственное*. Но *во-первых*, оно непосредственность не *чувственного созерцания* или *представления*, а *мышления*, которое можно за его непосредственность назвать также *сверхчувственным, внутренним созерцанием*. Непосредственное чувственного созерцания многообразно и единично. Но познание есть постигающее в понятиях мышление (*begreifendes Denken*); поэтому его начало также имеется *только в стихии мышления*; оно нечто *простое и всеобщее* (НЛ III 292 (пер. изм.), TWA 6 553).

Это приводит нас к категориям конечности и абстрактности, которые в гегелевском употреблении могут легко сбивать с толку. Конечность обозначает то обстоятельство, что рассудочное мышление не рассматривает собственные правила, условия и предпосылки функционирования. Конечность это отсутствие рефлексии, следование правилам без осмысления и постановки их под вопрос²³. Тем самым отсутствует эксплицитная рефлексивность и направленное на себя познание, собственно исследование ос-

23. Фигура конечности противостоит дурной бесконечности (*regressus ad infinitum*), а также собственно бесконечности как направленности на себя, автореферентности в рамках мышления и действия. В понимании бесконечности, абсолюта и бога Гегель следует аристотелевскому понятию мыслящего себя божественного ума, который однако для него не имеет никакого онтологического сверхчувственного коррелята в виде догматического бога (см. раздел о начале науки в НЛ), но обозначает совокупность человечества в его истории как мыслящего и производящего себя коллективного субъекта, живой и мыслящий себя организм, в гегелевской терминологии — дух (*Geist*).

нований или философия в ее развернутом виде. Абстрактность заключается в том, что разные предметные области берутся только в оторванности друг от друга, набор норм и правил этих областей не составляет осознанной и связной совокупности как предмет философского размышления. Их взаимодействие является как бы механическим или эклектичным²⁴. Абстрактность указывает тем самым на набор речевых практик и способа понимания предметных областей как обособленных и не связанных согласно принципам в единое целое, когда упускается понимание внутренних связей, взаимоотношений (в том числе через категории сущность-явление, причина следствие и т. д.). Конечность это отсутствие рефлексии над основаниями в соответственных областях речи и действия, непрозрачность собственных оснований. Абстрактность рассудка состоит в том, что он рассматривает вещи в отрыве друг от друга, не в их «истине», то есть не в полноте системы (ЭФН § 79, 80). Логика Гегеля характеризуется как холизм органицистического типа. Он часто повторяет, что истина как тотальность, замкнутая система есть целое (*das Wahre ist das Ganze*), что однако не означает неспособность к развитию и восприятию нового в рамках этой системы.

Рассудок является необходимой формой мышления, поэтому несмотря на частые критические замечания Гегеля относительно рассудка, не следует интерпретировать их абсолютно или односторонне, как то, что должно быть отброшено или от чего нужно отказаться. Суть его критики состоит в том, что рассудок как определенный тип мышления и метода не должен пониматься как абсолютный, поскольку при таком его понимании он оказывается неадекватной формой мышления — в отрыве от мышления целого, а не разрозненных предметных областей и в отсутствии рефлексивности как исследования условий и предпосылок своих практик и правил мышления для областей речи (ЭФН § 80). Поэтому рассудок, взятый в абсолютизированной форме, оказывается ущербным, несовершенным способом мышления, он несет в себе «скорбь», «печаль» (*Trauer*) конечности (НЛ I 192–193, TWA 5 140). Тем не менее, он имплицитно содержит в себе основания для дальнейшего развертывания, экспликации скрытого содержания переход к чему подпадает под второй шаг (НЛ III 295, TWA 6 556). Эта ступень достигается благодаря воспринимаемым противоречиям, проблемам, парадоксам, которые возникают и накапливаются в рассудочном дискурсе и до некоторого времени игнори-

24. Ср. с логикой бытия или разделом механизм в «объективном понятии».

руются или незаметны, скрыты. Прогресс в любом исследовании достигается именно через конфликт, противоречие, что вынуждает уточнять, переопределять, различать, конкретизировать смысл понятий и основополагающих пресуппозиций, норм, частных методов и т. д.

Подводя итог можно сказать, что рассудок задает и фиксирует поле референции и смыслов для мышления, речи и действия (которые уже разумны и поэтому уже заключают в себе мышление) в первом приближении для объектного языка предметных областей (*de re*). Он содержит в себе имплицитные правила мышления, речи и действия, которые однако на этом этапе не становятся предметом рассмотрения и не проблематизируются. Рассудок отвечает за первичное распределение предикатов в предметной области и дает тем самым предмет для мышления и имплицитно указывает на правила мышления об объектах и совместную понятийную практику субъектов речи и мышления.

Негативная или негативно-разумная сторона: скептицизм, отрицание, противоречие

Гегель понимает продвижение метода как концептуальный прогресс, увеличение, уточнение, приращение содержания, увеличение метафизических, семантических и эпистемологических тонкостей и различий и т. д., совершающийся на благодаря изменению взгляда на соответствующую предметную область и исследование багажа скрытых, не отрефлексированных предпосылок в используемых нами понятиях. Провокационный тезис Гегеля состоит в том, что этот процесс осуществляется через аномалии, проблемы, апории. Общим квазитехническим понятием для этого у Гегеля является понятие отрицания, негативности как средства диалектики в узком смысле, представляющее в рамках метода в виде второго момента²⁵. При этом конкретное употребление термина отрицание и его видов таких как противопоставле-

25. На тему негативности и отрицания вообще уже имеется множество исследований. В отношении Гегеля укажем прежде всего на: *Henrich D. Hegels Grundoperation // Der Idealismus Und Seine Gegenwart: Festschrift Für Werner Marx Zum 65. Geburtstag / W. Marx et al. (Hg.). Hamburg: Meiner, 1976. S. 208–230; Koch A. Die Selbstbeziehung Der Negation in Hegels Logik // Zeitschrift Für Philosophische Forschung. 1999. Bd. 53. H. 1. S. 1–29; Pippin R. Die Logik der Negation bei Hegel // Hegel — 200 Jahre Wissenschaft der Logik. S. 87–107; Idem. Hegel's Realm of Shadows. P. 139–180. Едва ли можно обойти стороной фигуру Гегеля при исследовании негативности.*

ние, противоречие и т.д. крайне вариативно и может быть понято только контекстуально. Поэтому я постараюсь, насколько это возможно, дать крайне общую трактовку.

Негативная диалектика и скептицизм: противопоставление

Философия, построенная в духе рассудочной функции мышления, обозначается Гегелем как рассудочная метафизика или ригидный, застывший (*starr*) догматизм. Его отличительной чертой является лишенный проблематизации взгляд на вещи и избежание противоречий, аномалий и проблем, которые неизбежно возникают в рамках нормального функционирования языка, мышления и действия в различных предметных областях. Использование термина «догматизм» Гегелем в том числе отсылает нас к Сексту Эмпирику (*Sext. Emp. Pyrr. hyp. I 1–3*)²⁶. У последнего «догматизм» понимается в смысле убежденности философов в том, что они уже открыли истину. Нельзя забывать и про Канта, согласно которому «догматизм» отсылает нас к определенному типу философии, которую он противопоставлял собственной критической или трансцендентальной философии. Догматизм для последнего отличается неспособностью встать на трансцендентальную точку зрения и поставить вопрос об условиях возможности предметов опыта и признать зависимость опыта от разума с его спонтанностью и прагматической составляющей в виде активности трансцендентального единства апперцепции, чистого Я.

Термин или понятие «диалектика» был возрожден Кантом. Он определял диалектику как сферу применения разума к сверхчувственным предметам или понятиям. Она имеет своим предметом поле метафизики и саму метафизику как познание о мире, боге и душе исходя из чистых, не имеющих возможности применения к опыту понятиях разума. Кант придал теоретической философии в виде диалектики надзорную функцию контроля за неверным употреблением разума (и тем самым речи), иначе говоря за неверной и бесплодной постановкой вопросов, принципиально превышающих возможности и компетенцию *теоретического* разума. В таком понимании диалектика выполняет негативную функцию, то есть занята разоблачением ложных проблем в виде знаменитых антиномий, что весьма напоминает идеи Венского

26. *Sextus Empiricus. Pyrrhoniae Hypotyposes*//Sextus Empiricus. Opera / H. Mutschmann (Hg.). Leipzig: Teubner, 1912. Vol. 1. P. 3–209.

кружка. Однако помимо этого Кант выявил и позитивную функцию диалектического разума, который, основываясь на динамических категориях рассудка, выступает в качестве регулятивного источника и снабжает рассудок методологическими принципами, которые дают правила рассудку. Тем самым в правильном диалектическом употреблении, разум имеет своим предметом функции рассудка и задает ему нормативные или регулятивные идеи.

Гегель воспринял и переакцентировал понятие диалектики. Он часто высоко отзывался о Канте именно за возрождение этого понятия, однако при этом следует помнить, что упрек Гегеля к рассудочной философии обращен не в последнюю очередь к Канту, который недостаточно замечал или не полностью отдавал себе отчет в автореферентности разума и его способности к занятию метапозиции по отношению к собственной деятельности. С одной стороны, Кант ограничивает легитимное познание применением категорий к чувственности в опыте, а с другой стороны, не видит роли диалектики в постоянном исследовании и выработке метакатегорий, то есть собственно философии или правильно понятой метафизики. Диалектика, являясь высшей функцией разума, имеет своим предметом категории рассудка и практику их применения, то есть она занимает метапозицию по отношению к нормальному функционированию объектного языка и занята экспликацией, заданием норм и ревизией рассудочного разума, то есть его правил и понятий. Тем самым она лежит вне поля опыта в том смысле, что не применяется к данным чувственности напрямую, хотя она абстрактно работает с категориями разума, которые известны нам из их применения в опыте. В терминологии Гегеля, задача негативно-диалектического этапа состоит в том, чтобы привести в движение ригидность рассудка и сделать мышление текучим и подвижным, открытым к изменению точки зрения и постановке под вопрос собственных предпосылок и оснований. Второй момент призван преодолеть неспособность рассудка поставить под сомнение и изменить правила своего функционирования. Иначе говоря, мышление приходит в диалектическое движение и конечные определения (в указанном выше смысле) «снимаются», осознается их опосредованность и тем самым ограниченность, зависимость от скрытых до этого от взгляда исследователя предпосылок. Мышление обращается к исследованию и анализу собственных оснований (ЭФН § 48Z). Гегель называет это негативным моментом, поскольку в нем отрицается и развивается рассудочное мышление (TWA 4 90). Таким образом, для него задача негативно-диалектического разума состоит в создании или

нахождении, идентификации и постановке проблем в сфере объектного дискурса, применения понятий. Благодаря этому в дальнейшем начинается модификация и ревизия прежде неосознанных предпосылок применения понятий.

Этот момент очень близок к скептическому способу рассмотрения. Гегель воспринимает эту процедуру в качестве центрального элемента своей философии, поскольку «отрицание» отсылает нас к наиболее базовому действию разума в его философии. Гегель очень серьезно занимался исследованием скептицизма, особенно в его пирроническом изводе²⁷. Так, в ФД он пишет про то, что философия есть «самоосуществляющийся скептицизм» (*sich vollbringender Skeptizismus*, в переводе под ред. Марины Быковой: «доводящий себя до конца скептицизм» ФД 48, TWA 3 72); в указанном выше сочинении о скептицизме он заявляет, с отсылкой к платоновскому диалогу, что

Этот скептицизм, выступающей в эксплицитной форме в «Пармениде», содержится однако *имплицитно* в каждой настоящей философской системе, поскольку он представляет собой свободную сторону каждой философии (TWA 2, 229)²⁸.

Гегель так описывает скептическое действие:

А именно, этот вид есть скептицизм, который видит в результате только *чистое ничто* и абстрагируется от того, что это ничто определено есть ничто *того, из чего оно получается как результат*. Но только ничто, понимаемое как ничто того, из чего оно возникает, на деле есть подлинный результат; оно само, следовательно, есть некоторый *определенный* результат, и у него есть некоторое *содержание*. Скептицизм, который кончает абстракции

27. См. его работу 1801 года В TWA 2 213–278: «Отношение скептицизма к философии. Изложение его различных форм и сравнение новейшей с древней» (*Verhältnis des Skeptizismus zur Philosophie. Darstellung seiner verschiedenen Modifikationen und Vergleichung des neuesten mit dem alten*), а также соответствующую главу в его «Лекциях по истории философии». См. также: Forster M. Hegel and Skepticism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989; Heidemann D. Der Begriff des Skeptizismus. Seine systematischen Formen, die pyrrhonische Skepsis und Hegels Herausforderung. B.: De Gruyter, 2007; Forster M. Hat jede wahre Philosophie eine skeptische Seite? // Skeptizismus und Metaphysik / M. Gabriel (ed.). B.: De Gruyter, 2011. S. 261–294.

28. Исходя из этой перспективы можно утверждать, что скептицизм в философии не только неустраним, но и его устранение было бы нежелательно. Это предполагает иное понимание устройства знания и реальности по сравнению с позицией метафизического реализма в его разных вариантах и его эпистемологических следствий.

ей ничто, или пустоты, не может от последней двинуться дальше, а должен ожидать, не представится ли ему нечто новое и что именно, чтобы он мог его свергнуть в ту же бездну пустоты. Напротив, когда результат понимается, как он поистине есть, [то есть] как определенная негация, то тем самым сразу возникла некоторая новая форма (*Form*), а в негации совершен переход, посредством которого само собой получается поступательное движение через полный ряд форм (*Gestalten*) (ФД 49, TWA 3 74, 162)

Рассудку, неспособному выйти за свои пределы, что обозначается как «бессилие разума» (*subjektive Ohnmacht der Vernunft*, НЛ III 47, TWA 6 287), противопоставляется диалектическая сила, негативная и позитивная способность разума²⁹.

Я полагаю, что здесь присутствует неявная отсылка к скептической способности противопоставления, *σκεπτικὴ δύναμις ἀντιθετικὴ* (*Sext. Emp. Pyrr. hyp.* I 8), которую Гегель воспринял как основную идею или мыслительную операцию скептицизма. Противопоставление (*Entgegensetzung*) является подвидом отрицания. Противопоставление указывает на диалогические, диалектические контексты в любой предметной области в смысле дискуссионности и спора, наличия нескольких конфликтующих и противоречащих позиций, каждая из которых старается доказать свою

29. При этом не всякая форма скептицизма является продуктивной: некоторые формы скептицизма и софистика приходят к отсутствию какого-либо результата, которые производят запутывание мышления и теоретическим результатом которых является отсутствие продвижения мышления и приращения понимания содержания, «пустое ничто» (ЭФН § 81Z1,2). Но даже так, одним своим существованием они рождают желание их преодолеть. Скажем коротко, что в текстах Гегеля подчеркивается негативный характер, «благородная» сторона пирронизма и его тропов в силу его атаки на рассудочные представления здравого смысла. Однако стоит добавить, что пирронический скептик образца Секста Эмпирика заканчивает свой поиск воздержанием от суждения. В рамках самого пирронизма это не приводит к приращению знания хотя бы в смысле нахождения одного тезиса (кандидата на истинность). Секст рассуждает лишь о явлениях, отказываясь говорить о вещах по природе. В широкой межфилософской дискуссии скептические аргументы отличаются именно тем, что выявляют слабые стороны и предпосылки оппонентов и тем самым вносят вклад в теоретическую рефлексию. Достаточно указать на то, что после уроки пирронизма были восприняты неоплатонизмом, а также серьезно ослабили стоиков (см.: *Gabriel M. Skeptizismus und Idealismus in der Antike*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2009), а также Декартом и последующей за ним традицией. По моему мнению, Гегель указывает именно на второй аспект стимулирования поиска проблем, тематизированных скептиками. В этом заключается позитивное влияние скептицизма в смысле появления более устойчивых к скептицизму теорий и углубления семантического знания.

правоту. Это было хорошо проиллюстрировано в развитой практике спора в античной философии классического периода; гегелевская диалектика продолжает эту традицию и абстрагирует ее в логическую операцию, расширяя поле ее применения буквально на все возможные предметные области. В таком смысле термин «диалектика» относится к противопоставлению суждений, тезисов, гипотез, теорий, исследовательских программ и т. д. в их актуальной проблематичности, которая предстает в виде осознания кризиса оснований. Теории не возникают из ничего в пустом пространстве, они всегда помещены в актуальные дебаты с практическими целями, предпосылками, условиями, возможными следствиями и т. д. Теории, модели описания, исследовательские программы всегда имплицитно или эксплицитно конкурируют и являются различимыми и осмысленными на фоне друг друга. Множество примеров этого можно найти в философии науки или в самой философии, являющейся, по выражению Канта, местом бесконечных споров (КЧР В xiv-xv). Проблемы и противоречия проявляются в конкуренции теорий, исследовательских программ, концептуальных схем, что выражается в противопоставлении тезисов и программ друг другу. Через такую ситуацию находящиеся в конфликте, с первого взгляда несовместимые суждения, гипотезы, теории и т. д. претендующие на истинность, в абстрактной начальной точке обладают равной убедительной силой в их притязании на истину и т. д. Еще один важный пирронический термин хорошо обозначает эту ситуацию как *ισοσθένεια*, то есть равную убедительную силу или равновесие в притязаниях на истинность (*Sext. Emp. Pyrr. Hyp.* I 12). Статус теории или тезиса при конкуренции в идеальном логическом пространстве оснований снижается, однако из этого Гегель не выводит собственно строго пирронический тезис о провале предшествующих попыток разрешения проблемы³⁰.

Второй шаг метода Гегель характеризует так:

Второе, возникшее в силу этого, есть тем самым *отрицательное* первого и, поскольку мы заранее примем в соображение дальнейшее развитие, [оно есть] *первое отрицательное*. С этой отрицательной стороны непосредственное *исчезло* (*untergegangen*) в ином, но это иное есть по существу своему не *пустое отри-*

30. Эта тема послужила основой для возникновения субдисциплины в рамках эпистемологии, обозначаемой как «эпистемология разногласия», что так или иначе неявно отсылает нас к метафизическим и онтологическим условиям такого разногласия.

цательное, не ничто, признаваемое обычным результатом диалектики, а иное первого, отрицательное непосредственного; оно, следовательно, определено как опосредствованное, — вообще содержит внутри себя определение первого. Тем самым первое по существу своему также удержано и сохранено в ином (НЛ III 299, TWA 6 561).

Можно поэтому сказать, что диалектическая ступень ставит нас в метапозицию по отношению к объектному языку, через проблематизацию обращает внимание на правила речи, мышления и действия, скрытые в нем и влечет за собой их экспликацию. С первого взгляда прочные убеждения рассудочной ступени оказываются под вопросом ввиду внутренних противоречий, конфликтов и т. д. Тем самым рассудок отрицает себя и оказывается «другим самого себя» (НЛ III 306, TWA 6 561). То, что ранее казалось незыблемым, теперь оказывается странным и сомнительным в свете других обстоятельств или отношений, так что изначально непосредственное оказывается опосредованным, отнесенным к чему-то другому. Разум приходит в «диалектическое движение мышления» (ЭФН § 48Z) и совершается «более высокое разумное движение» по сравнению с рассудочной ступенью (НЛ III 166, TWA 5 111). Итак, процесс мышления и соответственной речевой практики в своей полноте неизбежно производит проблемы и противоречия, это потенциальным является местом и источником прироста знания. Беспроblemное функционирование мышления, избегающее неизбежно возникающих проблем, апорий и т. д., стерильно и является в лучшем случае недостижимым идеалом³¹.

Противоречие

Понятие «противоречие» (*Widerspruch*) в широком смысле также относится к негативности и второму диалектическому шагу и является одной из центральных тем и проблем в истолковании Гегеля. Еще в своей докторской диссертации Гегель в первом тезисе заявляет: *contradictio regula veri est, non contradictio falsi*: противоречие это правило (для нахождения) истины, а отсутствие

31. Вспомним Гераклита с его высказыванием «война есть мать всех вещей» (по-гречески — отец, так как слово *πόλεμος* мужского рода), а также порицанием желающих мира и спокойствия, поскольку они не понимают, что такого рода спокойствие возможно только для мертвых. Ср. также с едким замечанием Канта про вывеску трактира «У вечного мира» в известном сочинении.

его — правило (для пребывания во) лжи³². Рассмотрим категориально-семантическую сторону этого момента.

Каждой вещи могут быть приписаны свойства, предикаты, которые не могут быть истинны в одно и то же время в одном и том же смысле об одной и той же вещи. Это выражается в противоречии между суждениями, «х есть А» и «х есть не-А», или в пропозициональной форме: «верно, что *p*» и «неверно, что *p*». Крайне распространен тезис о том, что Гегель утверждает актуальное наличие противоречия в строго формально-логическом смысле и зачастую приводятся его знаменитые высказывания из одноименного раздела НЛ, в частности: «все вещи сами по себе противоречивы» (НЛ II 65, TWA 6 74), «все, что нас окружает, может рассматриваться как пример диалектического» (ЭФН § 81Z1, пер. изм.)³³. Кроме того, Гегель заявляет, что противоречие не только мыслимо, но и реально, объективно в том смысле, что оно не является ошибкой со стороны познающего агента, оно продвигает мышление вперед изнутри: противоречие

... не есть действие некоторой внешней рефлексии; оно сокровеннейший, объективнейший момент жизни и духа, благодаря которому имеет бытие субъект, лицо, свободное (НЛ III 301, TWA 6 563).

Естественно, что такого рода высказывания склоняют к буквальному пониманию и подразумевают, что Гегель сознательно, но безответственно отклонял краеугольный принцип классической двузначной логики. Но ситуация сложнее, чем может показаться на первый взгляд, и следует признать, что Гегель не отрицал противоречие, а скорее рассматривал его как тривиальность и трактовал его не логически, но эпистемологически. Противоречие у Гегеля не следует понимать в смысле формальной логики, а скорее методологии, поскольку оно отсылает к проблемным и конфликтующим тезисам, теориям, а также к вопросам семантического и категориального анализа.³⁴ Тезис, что Гегель утверждает действитель-

32. Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 265; Hegel G. W. F. *Dissertatio Philosophica de Orbitis Planetarum: Lateinisch-Deutsch*. Hamburg: Meiner, 2022. S. 4–5.

33. Более того, он говорит, что противоречие диалектично и отсылает нас за пределы соответствующей точки зрения, в частности за пределы рассудка или некоей категории, то есть к условиям ее осмысленности, применимости и т. д., то есть пробуждает рефлексию и отсылает за свои пределы (НЛ I 190, TWA 5 138, 8, 197).

34. Здесь следует указать на диалетеизм. См.: Прист Г. За пределами мысли. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2022. Имеются исследования, утверждающие, что идеи Приста существенно отличаются от гегелевских.

ное существование противоречий оказывается недопониманием, если интерпретируется как строго формально-логическое утверждение и отрицание одного и того же тезиса³⁵. Классическая логика не опровергается в диалектике и ее область действия не сокращается³⁶. На это также указывает то, что противоречия «снимаются», то есть разрешаются, и не образуют неразрешимых парадоксов, но различным образом апроприируются и инкорпорируются в состав системы на разных уровнях или в различном смысле, о чем я скажу дальше. Формальная логика и «рассудочная метафизика» исходят из пресуппозиции, что противоречия оказываются лишь видимостью и происходят из ошибок в построении суждений.

Гегель постоянно подчеркивает, что противоречие это реальный и неизбежный факт в мире и в нашем познании, который не является просто лишь видимостью. В смысле процессов все в мире противоречиво, в отношении познания каждый тезис противоречит его отрицанию и содержит в себе ошибки, неполноту и т. д. Тем самым все вещи действительно противоречивы, но это не утверждает онтологического существования противоречия в корректном формально-логическом смысле (TWA 6 558–559). Все живое и свободное заключает в себе противоречие как признак наличия стремления и деятельности, подвижности и жизни.

...противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно (НЛ II 65, TWA 6 75). <...> нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его (НЛ II 66, TWA 6 76).

Противоречия понимаются онтологически в смысле изменения, стремления, нехватки и т. д., когда например вторая стадия процесса отличается и приходит на смену первой. Противоречия вездесущи и реальны в том смысле, что наши эпистемические и объектные способы речи создают противоречия и что они поэтому объективно присущи мышлению и познанию, которые не протекают без противоречий в гегелевском смысле. Кант выразился

35. См., напр.: *Kreis G. Negative Dialektik Des Unendlichen: Kant, Hegel, Cantor.* B.: Suhrkamp, 2015. S. 322–327.

36. Ср.: *Demmerling C. Philosophie als Kritik. Grundprobleme der Dialektik Hegels und das Programm kritischer Theorie // Vernunftkritik nach Hegel: Analytisch-Kritische Interpretationen Zur Dialektik / C. Demmerling, F. Kambar-tel (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1992. S. 90–91.*

об этом, что человеческий разум имеет такую участь, постоянно терзаться вопросами, на которые он не может ответить окончательным образом (КЧР А VII), он увяз в противоречиях. Однако оценка такого состояния различается. Обратимся к семантическому и прагматическому анализу категорий в свете проблемы противоречия у Гегеля.

Он пренебрежительно относится к рассудку и относит к его сфере действия формальную логику в таком виде, когда она берется в статичном, ригидном виде. Рассудочные попытки понимать суждения или пропозиции абсолютно, внеконтекстуально (то есть в его терминологии абстрактно от контекста и целого), оказываются провальными, поскольку упускаются условия их осмысленности и истинности. Нет «абсолютных» *truth-makers* для пропозиций разного уровня сложности и для разных контекстов, практического значения и т. д., так что они желают установить значение истинности для предложений абсолютно и навсегда. Это положение дел неочевидно из рассудочной перспективы, которая в этом смысле проста и настроена на выявление прочных и незыблемых истин. Рассудок стремится оставаться в рамках уже имеющегося мышления и неохотно переходит к признанию и решению проблем в уже имеющихся и устоявшихся мнениях. Рассудочное мышление оказывается в плену собственной ригидности, например в случае ложных дихотомий, проистекающих из недостаточного размышления о семантике привычных выражений, как в знаменитом случае высказывания нынешнем лысом короле Франции. Суждение «нынешний король Франции лыс» и его отрицание не могут считаться в таком поверхностном виде семантически корректными суждениями и требуют дальнейшего анализа. В такой неотрефлексированной форме ни одно из них не является истинным, однако существует видимость и требование того, что одно из них должно быть истинным, а другое ложным. Для адекватной оценки требуется дальнейшее уточнение и анализ высказываний.

Негативность в виде противоречия ставит исследование перед вопросом о семантической, метафизической корректности использования понятий и способов предикации, поднимает вопросы о модальности, демонстративах, индексикалах и т. д. в на первый взгляд простых суждениях. Противоречия толкают нас к смене перспективы и обращению к вопросу о предпосылках, основаниях, условиях мышления и речи, корректности наших выражений и понятий. Благодаря смене перспективы корни проблемы должны стать ясны и возможно нахождение решения. Как мы видели выше, противоречие должно вести к разрешению проблемы, то есть к уточ-

нению, корректировке или отказу от некоторых понятий, слов, способов обращения с ними и т.д., а не к отказу от всего знания вообще. В этом смысле скептицизм как критический настрой постоянно в деле, однако такое сомнение не влечет за собой устранения всех мнений и установок, но скорее их переоценку и пересборку.

Этот процесс может протекать различным образом. Проблемы можно «снять», то есть включить в систему через уточнения, различение смыслов и категориальный анализ и указать на то, что противоречие лишь видимо и покоится на недостаточном различении контекстов и нюансов. Так Кант в разделе о диалектике указывает на корни такого заблуждения и разводит альтернативы по разным контекстам. Приведем еще пару примеров. В Энциклопедии (ЭФН § 81Z1) Гегель берет суждения «человек есть живое [существо] (*lebendig*)» и «человек есть смертное [существо] (*sterblich*)». (В русском языке это еще более наглядно в словах «смерть» и «смертный»). С точки зрения традиционной логики предикатов при первом взгляде, то есть пока что без дальнейших указаний на модальные коннотации этих терминов, человеку приписываются предикаты, общие абстрактные термины «жизнь» (*Leben*) и «смерть» (*Tod*) с первого взгляда несовместимые и контрарные. При ближайшем рассмотрении ясно, что эти предикаты/свойства могут быть высказаны о человеке одновременно, поскольку «живое» (актуально) и «смертное» (потенциально) не противоречат друг другу. Более того, это суть материально-понятийные (а не строго формально-логические) истины: только живое существо может умереть и тем самым быть смертным, и наоборот только мертвое (в собственном смысле) когда-то было живым³⁷. Тем самым, во-первых, разрешается («снимается») изначальное противоречие, а также выясняется взаимосвязь этих терминов и взаимопереход состояний (можно это назвать «диалектика жизни и смерти»). Возьмем еще один пример из русской литературы. В романе Булгакова «Мастер и Маргарита» в эпизоде, в котором Коровьев и Кот-Бегемот вступают в словесную перепалку, последний возражает на слова «Достоевский умер» фразой «Достоевский бессмертен». В рассудочном мышлении каждое из этих высказываний само по себе осмысленно, однако как пра-

37. Ср. обозначение *undead* для нежити, которая уже не может умереть, поскольку не живет в подлинном смысле, а также обозначение *weltlos* для материальных неорганических предметов в идиолекте Хайдеггера и его же замечания, что животные не могут умереть, но только околоть (*verrecken*) в томе про основные понятия метафизики.

вило они не сопоставляются и не вступают в видимое отношение противоречия. Второй этап являет нам такое противоречие, и при такой конфронтации они не могут более оставаться в изначальном виде, поскольку они, по-видимому, находятся в противоречии. Разрешением является рефлексия о семантике этих понятий, в результате которой становится очевидным, что предикаты «умер» и «бессмертен» имеют разный диапазон применения. Достоевский как субъект действия (*Vollzugssubjekt*), агент и живой человек больше не существует, однако Достоевский как персона, то есть корпус текстов, память, традиция его чтения и рецепции, почитания и т. д. остается в теле культуры и его символическая фигура потенциально бессмертна, до тех пор пока его работы будут читаться и память о нем сохраняться в силу величия его романов. Следовательно, здесь мы имеем дело с двумя терминами, «противоречие» которых создает напряжение между их значением, но может быть разрешено продуктивным образом с наращиванием понятийных различий (так что у нас уже есть два понятия смерти) и прояснением содержания этих выражений.

Другим способом разрешения противоречия через «диалектическое» движение осмысления или переход в мышлении осуществляется по принципу перехода от более общих категорий к более конкретным и обратно, на разных уровнях общности. Например, категориальное понятие как множество всех подпадающих под него менее общих понятий, категория как тип и экземпляр такого типа (токен), например «книга» как тематическое или родовое понятие для всех книг вообще и «вот эта книга» (у меня на столе) и т. д. Это отношение можно выражать по-разному для разных предметных областей (тип/токен, род/вид, множество и подмножество, класс и его член и т. д.), однако общий принцип их взаимоотношения вполне прозрачен. Эти понятия отличны, и поэтому для них задаются разные правила употребления в высказываниях, так что эта книга на столе может упасть на пол, а «книга» вообще нет и т. д. Переход между ними может осуществляться в сторону конкретизации, от абстрактного термина «книга» к экземплярам или видам такого класса, а также в обратную сторону, к повышению уровня абстрактности (ср. с платоновским *συναγωγή/διάρεσις*). Забегая немного вперед скажем про то, что в том числе такое восхождение и нисхождение Гегель обозначает как отрицание, например, в ряду «Вселенная — галактика — небесное тело — планета — Марс». В таком словоупотреблении небесное тело и планета отрицают друг друга (или также снимают — в том смысле, что планета уже есть небесное тело и это понятие вклю-

чает в себя более общее, родовое понятие/категорию), поскольку они различаются по уровню общности, и каждый шаг в таком переходе Гегель обозначает как отрицание, а каждый последующий шаг как отрицание отрицания, создающую конкретность.

Далее, контрадикторные и контрарные предикаты неявно имплицитируют друг друга при их употреблении, поскольку они являются контрастом для различения, а также отсылают к родовому понятию, которое делает возможным и семантически задает правила употребления подчиненных ему понятий. Гегель показывает это в том числе на примере понятия «плохой дом» (ЭФН § 168). Прежде всего имеется отсылка предмета к его понятию и многообразное подпадание под разные понятия, которые выражают его свойства, принадлежность ко множеству классов. При этом «плохой», то есть дефективный экземпляр, воплощающий некоторое понятие уже содержит в себе «разумное», то есть идею или условия его существования, при которых можно говорить про адекватное, нормальное или полное воплощение понятия. Такое воплощение является ценностно корректным, соответствующим понятию или полным воплощением этого понятия, связанный с его функцией (для артефактов) или наиболее полным воплощением (для живых организмов, институций и т. д.; ср. выражение «настоящий друг»). Например, плохой дом несмотря на его недостатки все же может быть определен (описан) как дом, то есть за этим описанием находится понятие дома и разные степени его воплощения, то есть явно или неявно уже заданы критерии «хорошего дома». Далее, при использовании симметричных подпонятий «плохое» — «хорошее», мы уже неявно допустили более общее понятие «ценность» (с имплицитной шкалой/критерием для его измерения), которое задает критерии осмысленности для применения подчиненных понятий и позволяет распределять их по степени наличия/отсутствия некоторой характеристики. Тем самым совершается двоякий переход, горизонтальный внутри контрарных терминов «хороший-плохой», «жизнь-смерть» и т. д., так что понятийным оказываются их общность, смысловая зависимость друг от друга, а также и вертикальный переход к более общему категориальному понятию «ценность», отношение подчинения, смысловой зависимости и т. д.³⁸. Второй шаг можно обозначить как преимущественно способ рассмотрения вещей в модусе *de dicto*.

38. Брэндом в этом отношении говорит о *sense dependence* и *reference dependence*, то есть смысловой и референциальной зависимости (зависимость существования). Первый тип зависимости относится к порядку понимания,

Отрицание

Об отрицании говорится во множестве смыслов. Отрицание является родовым понятием для прежде рассмотренных противоречия и противопоставления³⁹.

С одной стороны, отрицание это «отрицание» рассудка, то есть того абстрактного, не замечающего проблем характера рассудочного мышления. В том числе это относится к указанию на противоречие/противопоставление различных теорий, тезисов, порядков объяснения и т. д., благодаря чему достигается семантический, понятийный, категориальный прогресс. Это методологическая сторона отрицания. Так, каждый последующий шаг в развитии любой дисциплины должен отталкиваться от предшествующей ступени и конкретным образом критиковать ее. Это Гегель называет определенным отрицанием. Это касается и собственно философии и всех прочих областей. Например, критика Юмом предшествующей эмпирицистской традиции является определенным отрицанием ее. Также это относится к Канту с его критикой рационализма и эмпирицизма и Юма, так что он предложил вариант решения концептуальных философских проблем исходя из и преодолевая те вопросы, которые сформировались в результате дискуссий рационалистов и эмпирицистов⁴⁰.

С другой стороны, отрицание играет конститутивную семантическую роль, поскольку оно является также основой смысла и индивидуации предметов вообще и тем самым их познания в их существе⁴¹. Единичные понятия как правила мышления предметов

так что без понятия а, не может быть понято понятие б. Второй тип говорит о зависимости существования. Эта дистинкция является семантическим подходом к различению каузального порядка и порядка объяснения, причем смысл не обязательно влечет за собой другой, так что мир может существовать без того, чтобы кто-то его понимал. В этом отношении эти порядки не симметричны и не эквивалентны логически. Такого рода идеализм нельзя полагать идеализмом, который утверждает, что сознание, дух производят содержание суждений, представлений о внешнем мире. Это верно в отношении как Брэндома, так и Гегеля. См.: *Brandt R. Holism and Idealism in Hegel's Phenomenology*// *Hegel-Studien*. 2001. Vol. 36. P. 61–96.

39. Хенрих, Кох и Пиппин подчеркивают и объясняют роль отрицания, отрицающего самого себя (*sich auf sich beziehende Negation*) как центральной операции философии Гегеля. Пиппин же по праву интерпретирует такую негативность как свободу.

40. См. анализ таких дискуссий у Решера: *Rescher N. Philosophical Dialectics*. P. 75f.

41. Определенное отрицание Брэндом понимает как указание материально-понятийную несовместимость или отношение взаимного исключения,

(Гегель называет их рассудочными) всегда образуют систему, в которой эти понятия находятся в тех или иных отношениях. Эта система представляет собой совокупный, замкнутый развивающийся действующий организм, выражаясь метафорически, или концептуальную схему (в наиболее абстрактном виде — универсум логического рассуждения). Система таких понятий и наука в общем смысле как практика познающих агентов в терминологии Гегеля есть Понятие (*der Begriff*), которое рассматривается в субъективной логике⁴². Этот раздел логики дает анализ метафизических категорий, конституирующих коллективную эпистемическую субъективность в ее абстрактных, структурных свойствах («моментах»), как абсолютного (то есть познающего себя) субъекта познания в его полноте, то есть системе. Составляющие этой системы суть понятия (и категории), которые получают свою определенность и содержание, а значит и индивидуацию, благодаря негативности. Вспомним знаменитую формулу Спинозы «всякое определение есть отрицание» (*omnis determinatio negatio est*; Гегель явно упоминает ее, см. напр., НЛ I 174, TWA 5 121–122). Это замкнутая система, в которой понятия и предметы получают свое содержание, определенность, через наличие свойств как взаимоисключающих, то есть через взаимоотношения друг с другом. Важно понимать, что этот принцип относится и к познавательной деятельности (эпистемология, семантика, метафизика как теория) и к предметам (онтология, метафизика как содержание теории). Отрицание отвечает за или является конституирующим принципом индивидуации для предметов и для понятий этих предметов, как и для совокупности познавательной деятельности, Понятия. Всякая определенность, наличие того или иного свойства возможна через возможность сопоставления и различения предметов

в котором, например, находятся медь и алюминий среди металлов или треугольник и окружность среди геометрических фигур. *Brandom R. A Spirit of Trust*. P. 2. Следует отличать это от бесконечного суждения по Гегелю (НЛ III 81, TWA 6 324–326): суждение «*x* это не число» совершенно недостаточно для успешной классификации *x*, так как остается бесконечно большое число предметных областей, к которым *x* может принадлежать тематически. Неверная категориальная атрибуция является категориальной ошибкой («слон это число»), верная является категориальной (понятийной) истиной («слон это не число», *cats are not automats* и т. д.). Определенное отрицание у Гегеля намного более широко, чем это интерпретирует Брандом.

42. См. подробнее мою статью: Маслов Д. К. Понятие в субъективной логике Гегеля // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2022. № 70.

на онтологическом, метафизическом, семантическом и эпистемологическом уровнях⁴³. Гегель, следуя Спинозе, называет это отрицанием и утверждает реальность отрицания и противоречия. Тем самым это является еще одним аргументом в пользу тезиса, что негативность присуща самой реальности (там же). Любой предмет, который не определен таким образом разумно в онтологии и семантике, является лишь пустым именем или представлением (НЛ III 298, TWA 6 560). Например, при полном распределении объема терминов (в конечных и обозримых для нас предметных областях или для бесконечного познающего субъекта) мы можем определить каждый предмет негативным образом через полную конъюнкцию негативных суждений в заданном аспекте скажем, «этот дом не синий, не красный и т. д.». Это означает, что позитивное содержание может быть выражено через негативные суждения, например, предшествующий ряд отрицаний может быть выражен в суждении «этот дом зеленый».

Итак, диалектика как метод основывается на втором негативно-диалектическом шаге. Мышление (познаваемая сущность самих вещей и субъективное мышление) необходимо негативно и диалектика поэтому сущностно принадлежит к деятельности мышления (ЭФН § 41Z). Тем самым диалектика дает имя всей процедуре для Гегеля и было бы неверно отождествлять ее поэтому только с этим вторым шагом, поскольку изначальная область дискурса содержит в себе проблемы, аномалии и противоречия скрытым образом, а позитивный третий шаг является итогом по работе с этими противоречиями. Он пишет:

Однако в своей подлинной определенности диалектика, наоборот, есть собственная истинная природа рассудочных определений, вещей и конечного вообще. Рефлексия есть прежде всего вообще выход за пределы (*das Hinausgehen*) изолированной определенности и приводящее ее в отношение и связь с другими определенностями так, что определенности хотя и полагаются в некоторой связи, но сохраняют свою прежнюю изолированную

43. Кроме того Гегель использует термин отрицание для обозначения смен содержания интенциональной направленности сознания, то есть для обозначения ментальных процессов при перемещении внимания с одного предмета на другой, так что одна мысль, одно представление «отрицает» или меняет другое в нашем сознании, сейчас я смотрю на стол, затем в окно и вижу небо и т. д. В ФД это представлено наиболее заметно, скажем в разделе «Чувственная достоверность». Это относится и к объективному мышлению понятий, скажем переходу от более общих категорий к конкретным и наоборот.

значимость. Диалектика же есть, напротив, *имманентный* выход за пределы, в котором односторонность и ограниченность рассудочных определений изображаются как то, чем они являются, а именно как их отрицание. Сущность всего конечного состоит в том, что оно само себя снимает (ЭФН § 81, пер. изм.).

Исследователи в целом согласны, что негативность как осознание и попытка разрешения противоречий — это мотор, двигатель философских (и не только) инноваций, и также мотор самой гегелевской логики и всех прочих частей его системы⁴⁴. Это является «механическим» способом выразить органическую понятийную метафору диалектики как души.

Спекулятивная или позитивно-разумная сторона

Итак, результатом всего предшествующего понятийного развития и приращения содержания через выявление или создание новых различий (отрицаний) для разрешения проблем и прояснения предпосылок является так называемый спекулятивный или позитивно-разумный момент. Гегель называет его отрицанием отрицания как переходом от второй, проблематизирующей стадии к третьей, в которой поднятые проблемы должны найти свое решение и понятия должны быть «сняты», то есть объединены во внутренне консистентную систему. Переход совершается таким образом, что мышление становится в метапозицию, занимает более высокое положение по отношению к изначальному уровню рассуждения и тем самым совершается изменение перспективы, «отрицание» предшествующего уровня мышления и речи. Кристоф Менке так описывает это:

Переход от рассудка к разуму есть прежде всего ничто иное как смена установки от размышления (*Nachdenken*) о чем-то в мире к размышлению о размышлении, а именно, о том, что мы всегда уже делаем и предполагаем в размышлении⁴⁵.

Весь процесс можно проиллюстрировать в с помощью теории научных революций Куна. Первый этап является нормальной наукой, когда наиболее базовые предпосылки в целом принимаются большинством ученых и исследование ведется в понятийных рамках, задаваемых этими предпосылками. Сами эти предпосыл-

44. Rescher N. Philosophical Dialectics. P. 17; Pippin R. Hegel's Realm of Shadows. P. 137.

45. Menke Ch. Der „Wendungspunkt“ des Erkennens. Zu Begriff, Recht und Reichweite der Dialektik in Hegels Logik // Vernunftkritik nach Hegel. S. 31.

ки не становятся предметом рассмотрения и принимаются как истинные и несомненные. При решении головоломок и проблем постепенно накапливаются аномалии и противоречия. Второй этап — кризис оснований, он включает в себе проблематизацию базовых допущений и кризис нормальной науки, так что теоретическая рамка теряет свою убедительность и существует по инерции. За этим следует поиск иных оснований и научная революция, переосмысление оснований и попытка создания новой всеобъемлющей теории. Результатом ее является то или иное решение, отвечающее или разрешающее проблему-источник кризиса, и формируется новый этап формальной науки. Отличием теории Куна от мысли Гегеля является то, что он считал, что разные парадигмы несоизмеримы, тогда как развитие от этапа к этапу у Гегеля носит характер преемственности и в итоге соединяется в одну систему, так что предшествующие понятия и различия сохраняются в рамках каждого нового последующего этапа.

Третий шаг метода включает в себе три важных аспекта: это относительная семантическая прозрачность правил и предпосылок употребления наших категорий и понятий (поскольку такого рода диалектическое движение продолжается непрерывно), рефлексивный момент осознания самого метода, его правил и принципов (то, что является предметом нашей статьи) и осознание того свободного познающего (коллективного) агента, который является актором этого метода и который собственно и осуществляет мышление, то есть философию⁴⁶.

Спекулятивное, или положительно-разумное, постигает единство определений в их противоположности, то *утвердительное* (*das Affirmative*), которое содержится в их разрешении и переходе (ЭФН § 82, также TWA 4 415).

Третье, или четвертое, есть вообще единство первого и второго моментов, непосредственного и опосредствованного...ибо иное иного, отрицательное отрицательного непосредственно есть *положительное, тождественное, всеобщее* (НЛ III 302, TWA 6 564)⁴⁷.

46. В таком признании конститутивной роли субъективности видится преемственность с коперниканской, трансцендентальной революцией Канта. При этом, было бы неверно уравнивать Гегеля с Платином или Беркли.

47. Также: «Удерживать положительное в *его* отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате, это — самое важное в основанном на разуме познании» (НЛ III 299, TWA 6 561).

Более того, познание как всеобщее, то есть общезначимое и необходимое (которое покоится на достаточных основаниях) содержание, полагается при этом в самом субъекте, то есть «широкое» содержание становится «узким» (*broad/narrow content*). При этом обращается внимание на спонтанность познающего субъекта, так что познание оказывается не просто впечатком или пассивным восприятием, но активной теоретической и практической деятельностью самого субъекта, поскольку мышление и речь есть также действия (речевые акты и перформативность).

Подобно тому как началополагающее есть всеобщее, так результат есть *единичное, конкретное, субъект*; то, что началополагающее есть в себе, результат есть теперь также для себя; всеобщее положено в субъекте (НЛ III 303, TWA 6 566)

Второе отрицательное, отрицательное отрицательного, к которому мы пришли, есть указанное снятие противоречия, но оно, точно так же как противоречие, не есть *действие некоторой внешней рефлексии*; оно *сокровеннейший* (*innerste*), *объективнейший момент* жизни и духа, благодаря которому имеет бытие субъект, лицо (Person), свободное (Freies) (НЛ III 301, TWA 6 563)

Тем самым, семантическая и категориально-метафизическая составляющая указывает на необходимость исследования и сочетания содержательных результатов и понимания условий использования категорий. В современной терминологии это можно рассматривать как сочетание контекстов *de re* и *de dicto*, познание содержания и обращение внимания на предпосылки и сам метод. К этим двум контекстам — с точки зрения осознания актором метода самого себя — добавляется контекст *de se* или точнее *de nostro* (о нас). Речь идет о свободном познающем агенте особого рода, коллективном субъекте науки и философии как теории и как метода познания. Такая социальная институция есть ничто иное как совокупность науки и философии как коллективной деятельности, которая совершается особого рода индивидом, которого Гегель именует как Понятие или дух. Осознание этих контекстов и объединение в одной системе дает полноту познания. Итогом всего этого сложного движения является «истина» как полное и развернутое, содержащее в себе множество различий и дистинкций тело знания, в его сложности и нюансах, то есть понимание устройства разных семантических уровней понятий и использования категорий а также знание о самом методе и его акторе. Поэтому Гегель называет диалектику «методом истины» (TWA 6 566). Истина тем самым это не функция значения истины высказывания, но ис-

тинное знание коллективного субъекта о мире в его полноте, заключающей вышеуказанные моменты. Гегель настаивает на том, что содержание на этих разных этапах принципиально остается тем же, в результате этого процесса совершается последовательное уточнение формы, в которой выражено это содержание. Так, рассудок имеет то же содержание, но не в состоянии его адекватно выразить и схватить. Так, например, неверна речь о божестве, духе и душе как об онтических, квазиматериально существующих вещах, как если бы они были «капустой или камнями» (TWA 4 415), тогда как это способы существования и познания себя разума, который есть ничто иное как коллективный разум как совместная деятельность людей *in the long run*.

Соединение всех этих контекстов в единую систему познания выражается в так называемом спекулятивном тезисе. Философские суждения спекулятивны, поскольку их содержание не может быть выражено в (одностороннем) объектном или эмпирическом высказывании. Он выражает двойственное, внешне противоречивое и проблематичное содержание, в нем представлена рефлексия о форме высказываний (категориальный анализ), схватывание предметного содержания, а также понимание субъективности, стоящей за методом, так что фокус перемещается на осознание самого метода диалектики. Правила мышления и речи о предметах уже имплицитно отсылают к их условиям и границам таких способов мышления, но в процессе речи, вынесения суждений и вывода в объектном языке эти правила и условия остаются незамеченными, не попадают в фокус внимания⁴⁸.

Формулой спекулятивных тезисов является принцип «Тождество тождества и не-тождества» (*Die Identität der Identität und Nichtidentität*) и его иные формы выражения, такие как «Единство позитивного и негативного», «Единичное есть всеобщее» (единичный предмет или термин определяется через те общие понятия или термины, которые составляют основу его сущности, его «тождество»), «Бытие и небытие суть то же самое и не то же самое» и т. д. (TWA 6 52, 74, 76, 79, 93–95, см. раздел «Различие» (*Der Unterschied* в НЛ II). Штекелер-Вайтхофер понимает этот тезис о бытии в том смысле, что следует понимать различные предметы, со-

48. Кристиан Деммерлинг объясняет это так: «Диалектика как теория значения делает предметом рассмотрения предпосылки нашей «нормальной» (объектной) речи. Поскольку эти предпосылки не допускают такого же способа языкового обозначения, каким мы обозначаем предметы, спекулятивные тезисы *показывают* как наши суждения соотносятся с действительностью» (Demmerling C. Op. cit. S. 91, 87–97).

ставляющие некий класс, как принадлежащие этому классу или области как единству, так что этот класс содержит в себе правила для мышления об этих предметах (то есть правила использования категорий) и для их достаточного различения, то есть индивидуации, различения или небытия в смысле негативного предиката «х не есть С»⁴⁹. При этом очевидно, что спекулятивные тезисы нельзя воспринимать по типу эмпирических высказываний (как это пытались делать Карнап и ранний Витгенштейн), но как тематическую речь о категориях и абстрактных предметах через призму семантического, логического и понятийного и т. д. анализа высказываний⁵⁰.

Вместо заключения я считаю нужным указать на два момента. 1) Представленное диалектическое развитие не является закрытым и законченным и допускает дальнейшее развитие понятий и концептуальной схемы (понимаемой в смысле содержательных метафизических или *a priori* предпосылок о нашем мире). Оно совершается также по принципам диалектики и «определенного отрицания», то есть понятий, предлагаемых исходя из конкретной ситуации и с конкретными целями для решения тех или иных конкретных проблем. Это включает в себя развитие, уточнение или изменение понятий (см. TWA 4 95). В этом отношении Гегель весьма интересен для относительно нового направления концептуальной инженерии (*conceptual engineering*) и его тексты дают богатый материал для рефлексии о конститутивных моментах развития понятий и Понятия. 2) Герберт Шнедельбах и Маркус Габриэль (в его проекте реалистической онтологии) в несколько разных аспектах поднимают проблему всеохватности и (якобы) закрытости диалектики, обвиняя Гегеля в попытке возродить «плохую» метафизику, указывая на ее претензии на универсальное и законченное познание всего. На этом основании они аттестуют его проект как провалившийся⁵¹. Это сильное и основательное обвинение, которое нужно конкретизировать и принять всерьез. Я полагаю, что линия защиты Гегеля может быть выстроена так, что он не имел в виду то, что ему приписывают, однако с точки зрения смысла и пределов диалектики эти вопросы нельзя сбрасывать со счетов. В частности, его проект диалектики дает абсолютное знание как философское знание функционирования нашего кате-

49. Stekeler-Weithofer P. Hegels Wissenschaft der Logik. Bd. 1. S. 218f, 225–227.

50. Ср.: Idem. Hegels analytische Philosophie. S. 62–64.

51. Schnädelbach H. Dialektik und Diskurs // Herbert Schnädelbach. Vernunft und Geschichte. Vorträge und Abhandlungen. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1987. S. 151–176.

гориального аппарата и адекватного отношения к нему, но не претендует на абсолютность в смысле исчерпывающего содержательного и научного знания всего вообще.

Библиография

- Гегель Г. В. Ф. Раб. разн. лет: В 2 т. М.: Мысль, 1970.
- Еемерен Ф. Х., ван Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021.
- Кант И. Соч. на нем. и русс. яз.: В 4 т. / Под ред. Б. Бушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Мысль, 2006. Т. 2.
- Лисанюк Е. Н. Аргументация и убеждение. СПб.: Наука, 2015.
- Лисанюк Е. Н. Три взгляда на критику и поддержку в оценке аргументов // Дискурс. 2022. Т. 8. № 2. С. 5–16.
- Маслов Д. К. Понятие в субъективной логике Гегеля // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2022. № 70.
- Прист Г. За пределами мысли. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2022.
- Bencivenga E. Hegel's Dialectical Logic. N.Y.: Oxford University Press, 2000.
- Brandom R. A Spirit of Trust: A Reading of Hegel's Phenomenology. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
- Brandom R. Holism and Idealism in Hegel's Phenomenology // Hegel-Studien. 2001. Vol. 36. P. 61–96.
- Chalmers D. Why Isn't There More Progress in Philosophy? // Being, Freedom and Method. Themes From the Philosophy of Peter van Inwagen / J. Keller (ed.). N.Y.: Oxford University Press, P. 277–298.
- Davidson D. Dialektik Und Dialog: Rede von Donald Davidson Anlässlich Der Verleihung Des Hegel-Preises 1992. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1993.
- Demmerling C. Philosophie als Kritik. Grundprobleme der Dialektik Hegels und das Programm kritischer Theorie // C. Demmerling, F. Kambartel (Hg.). Vernunftkritik nach Hegel: Analytisch-Kritische Interpretationen Zur Dialektik. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1992. S. 67–99.
- Düsing K. Aufhebung der Tradition im dialektischen Denken. Untersuchungen zu Hegels Logik, Ethik und Ästhetik. München; Paderborn: Wilhelm Fink, 2013.
- Forster M. Hat jede wahre Philosophie eine skeptische Seite? // Skeptizismus und Metaphysik / M. Gabriel (ed.). B.: De Gruyter, 2011. S. 261–294.
- Forster M. Hegel and Skepticism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.
- Gabriel M. Skeptizismus und Idealismus in der Antike. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2009.
- Hegel G. W. F. Dissertatio Philosophica de Orbitis Planetarum: Lateinisch-Deutsch. Hamburg: Meiner, 2022.
- Hegel G. W. F. Werke: In 20 Bd. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1986.
- Hegel Und Die Antike Dialektik / H.-G. Gadamer et al. (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1990.
- Heidemann D. Der Begriff des Skeptizismus. Seine systematischen Formen, die pyrrhonische Skepsis und Hegels Herausforderung. B.: De Gruyter, 2007.
- Henrich D. Hegels Grundoperation // Der Idealismus Und Seine Gegenwart: Festschrift Für Werner Marx Zum 65. Geburtstag / W. Marx et al. (Hg.). Hamburg: Meiner, 1976. S. 208–230.

- Hintikka J. *Inquiry as Inquiry: A Logic of Scientific Discovery*. Dordrecht: Springer Netherlands, 1999.
- Koch A. Die Selbstbeziehung Der Negation in Hegels Logik // *Zeitschrift Für Philosophische Forschung*. 1999. Bd. 53. H. 1. S. 1–29.
- Koch A. *Metaphysik und speculative Logik // Metaphysik heute — Probleme und Perspektiven der Ontologie / Metaphysics Today — Problems and Prospects of Ontology* / M. Lutz-Bachmann, T. M. Schmidt (Hg.). Freiburg; München: Karl Alber, 2007.
- Kreis G. *Negative Dialektik Des Unendlichen: Kant, Hegel, Cantor*. B.: Suhrkamp, 2015. S. 322–327.
- Menke Ch. Der „Wendungspunkt“ des Erkennens. Zu Begriff, Recht und Reichweite der Dialektik in Hegels Logik // *Vernunftkritik nach Hegel: Analytisch-Kritische Interpretationen Zur Dialektik* / C. Demmerling, F. Kambartel (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1992.
- Pinkard T. *Hegel's Dialectic: The Explanation of Possibility*. Philadelphia: Temple University Press, 1988.
- Pippin R. Die Logik der Negation bei Hegel // *Hegel — 200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung „200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik“*, Weimar, 26–29 September 2012 / A. F. Koch, F. Schick, K. Vieweg, C. Wirsing (Hg.). Hamburg: Meiner, 2014. S. 87–107.
- Pippin R. *Hegel's Realm of Shadows. Logic as Metaphysics in The Science of Logic*. Chicago: Chicago University Press, 2018.
- Rescher N. *Dialectics: A Classical Approach to Inquiry*. Fr.a.M.: Ontos, 2007.
- Rescher N. *Philosophical Dialectics: An Essay on Metaphilosophy*. Albany, NY: State University of New York Press, 2006.
- Schnädelbach H. *Dialektik und Diskurs* // Herbert Schnädelbach. *Vernunft und Geschichte. Vorträge und Abhandlungen*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1987. S. 151–176.
- Schnädelbach H. *Was Philosophen wissen und was man von ihnen lernen kann*. München: C. H. Beck, 2013.
- Schurz G. *Patterns of Abduction* // *Synthese*. 2008. Vol. 164. № 2. P. 201–234.
- Sextus Empiricus. *Pyrrhoniae Hypotyposes* // Sextus Empiricus. *Opera* / H. Mutschmann (Hg.). Leipzig: Teubner, 1912. Vol. 1. P. 3–209.
- Stekeler-Weithofer P. *Hegels Analytische Philosophie: Die Wissenschaft Der Logik Als Kritische Theorie Der Bedeutung*. Paderborn: F. Schöningh, 1992.
- Stekeler-Weithofer P. *Hegels Wissenschaft der Logik: ein dialogischer Kommentar*: In 3 Bd. Hamburg: Meiner, 2019–2022.
- Wolff M. *Hegels Dialektik // Hegel — 200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung „200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik“*, Weimar, 26–29 September 2012 / A. F. Koch, F. Schick, K. Vieweg, C. Wirsing (Hg.). Hamburg: Meiner, 2014.

MAKING SENSE OF HEGEL'S DIALECTIC: WHAT KIND OF METHOD IS IT?

DENIS MASLOV. Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk, Russia, denn.maslov@gmail.com.

Keywords: G. W. F. Hegel; dialectic; dialectical method; abductive logic; negativity; speculative thinking; metaphysics; theory of categories.

The paper presents an interpretation of a central Hegelian concept “dialectic” reading him as a post-Kantian critical thinker. We can speak of objective dialectic as processes in the world and subjective dialectic conceived of as a method. I shortly discuss the correctness of the approach to dialectic as a special kind of logic and relation of dialectic to formal logic. (Subjective) dialectic is interpreted as a method of inquiry that is closely related to contemporary projects of abductive and interrogative logic. Such method reflects on our theoretical practices and formulates strategic rules that guide inquiry and aim at enhancing its productivity.

Further, the three familiar moments of dialectics are scrutinized and interpreted from “analytic” point of view. The abstract moment refers thematically to the object language (in different domains) that has no awareness of its own implicit presuppositions. It is a rigid and hence finite form of thinking. The negative-reasonable moment signifies the process of thinking coming into “motion” and is marked by noticing and reflecting on the presuppositions of the object speech. It tries to establish the connection between different domains and apprehend and bring the previously concealed presuppositions into a consistent system. This is a questioning of the concealed premises, which implies a resolution of conundrums emerged and a connection of it into a whole unified system of differentiated and articulated content with awareness of presuppositions. This allows to accomplish both semantic and conceptual progress as an increase of distinctions and nuances in our thinking. The resolution of the second negative moment is labeled as the positive-reasonable or speculative moment. It contains the results and contents of previous moments and also implies that the method itself and its actor comes to the fore. That actor is the collective epistemic agent in its different forms, Hegel calls it the Concept. Thus, dialectic is a reflective pragmatic approach or method of inquiry, which strives to be developed into a dynamic or genetic theory of categories.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-2-103-141